

МЫ И НАШИ СОСЕДИ

К вопросу о пересмотре границ

Вся логика развития событий после разрушения СССР толкает Россию в одном направлении — к повторению пути послеверсальской Германии или сегодняшней Сербии. Большая страна, окруженная более слабыми странами, с нацменьшинствами, представляющими эту большую страну, тем более, если эти нацменьшинства угнетаются (а в какой-то мере любое нацменьшинство может ощущать себя угнетаемым), практически не может устоять перед искушением использовать свою силу. Немцам было больно смотреть на Судеты, непонятно почему принадлежащие чехам и заселенные немцами, которых эти чехи угнетают, на бедных немцев в Померании, Данциге, Клайпеде, Эльзасе. Сербия просто не могла не вмешаться, когда восстали сербы в Хорватии, еще не забывшие зверства усташей и не желающие вдруг оказаться «за границей» по отношению к Белграду. И так же трудно сейчас России.

Очень трудно не вмешаться, не ударить кулаком по столу (или авиацией по Кишиневу), видя, что происходит в Молдавии. Очень понятны угрозы Руцкого по отношению к Грузии — это нормальная человеческая реакция на кошмар в Осетии и националистическую тупость ряда грузинских лидеров. Границы, унаследованные Россией и другими республиками, — границы нелепые, и просто язык не поворачивается говорить об их незыблемости. Но не только внешнеполитические реалии толкают Россию к переделу границ. Толкают и реалии внутривнутриполитические. Разрушение Советского Союза, ничем не похожее на сознательный, соответствующий убеждениям и стремлениям господствующих народов демонтаж английской и французской империй, бывшее ловким ходом Ельцина в его борьбе за власть, просто не может не вызвать реакции у запутавшихся в своих противоречивых стремлениях, все более ощущающих себя облапошенными своими вождами русских. Если добавить к этому экономическую реформу, ход которой позволяет как на самую радужную перспективу надеяться на восстановление в начале XXI века жизненного уровня 1985 г., то удивляться росту реакции не приходится. А этот рост националистической реакции заставляет тех же самых людей, которые активно разрушали Советский Союз, вставать в националистические позы. Совершенно естественно и закономерно на смену демократической волне 1988—1991 гг. идет националистическая волна, которую сейчас пытаются оседлать все карьеристы, которые раньше пытались оседлать волну демократическую. Остановить ее так же трудно, как трудно было остановить первую волну.

Всё влечет нас к борьбе за передел границ. Но это значит — к войне, в которую, между прочим, немцы при Гитлере тоже втянулись постепенно. Сначала мирным путём, хотя и при угрозе применения силы, была ликвидирована несправедливость по отношению к немцам в Чехословакии (я думаю, что здесь не место иронии — действительно, несправедливость), затем, уже военным путем, но малой кровью, были освобождены немцы в Польше, и пошло-поехало — до 1945 г. Нам сейчас можно без особых усилий объединить Южную Осетию с Северной. Может быть, мир даже закроет на это глаза, а народ будет рукоплескать Ельцину или Руцкому. Затем начнется война с Украиной и Казахстаном. А что будет затем? Решение Москвы и Вашингтона о сокращении

вооружений — это, конечно, очень хорошо. Но реально мы сейчас значительно ближе к войне, даже, может быть, к третьей мировой войне, чем при Брежневе. И уж и говорить нечего, что борьба за передел границ будет означать конец нашей «недоделанной» и хрупкой демократии, победу идущей сейчас националистической волны и фашизацию России (и всего нашего эсэнгешного «пространства»). И очевидно, в конечном счете, когда мы совсем зарвемся, объединение против нас мира, наше поражение и резкое «съезживание» (остается только надеяться, что на той территории, которая у нас останется, мировое сообщество установит порядок, как оно это сделало в ФРГ и Японии).

По этому пути нас влечет вся логика развития событий. Но все же этой логике надо противодействовать всем, кому дорога российская демократия и в конечном счете просто дорога Россия. История не полностью предопределена (или, что то же самое, ее предопределенность не может быть нам известна), и всегда остается надежда.

Однако борьбе с этой тенденцией тех, кто действительно стремится к демократической России, мешает и тот хаос разнородных, противоречащих друг другу принципов и ценностей, который существует в их сознании по вопросу о границах в СНГ. В самом деле, хотя войны и фашизации они не хотят, их моральное сознание протестует против незыблемости границ, ибо незыблемость границ противоречат праву наций на самоопределение и создает иерархию народов. Признать незыблемость теперешних границ — это вроде означает признать все накопленные историей несправедливости и преступления, все зло истории — от завоевания Иваном Грозным татарских ханств, после чего татары были обречены жить в государстве, постоянно отмечающем разные годовщины Куликовской битвы, до привлечения на работу в Эстонию русских рабочих, которых никто не предупреждал, что со временем от них потребуют учить трудный и странный эстонский язык. В мире существуют разные противоречащие друг другу права и правды. И право государств на незыблемость границ противоречит праву наций на самоопределение, практическое приложение которого абсолютно непонятно (референдумы никак не могут считаться безупречным инструментом, ибо можно, например, выгнать татар из Крыма или осетин из Южной Осетии или просто понаехать туда и затем провести здесь референдумы), но которое признает наше моральное чувство. И если прибавить к этому, что нельзя совсем уж отрицать особые права коренных народов на историческую территорию (хотя одному богу известно, с какого века территорию можно считать «исторически» принадлежащей народу), что вносит еще больше путаницы, ибо сохранить, например, исторические права абхазов на Абхазию, где они оказались меньшинством в результате сталинской политики, поощрявшей грузинскую миграцию, можно лишь ценой ущемления прав живущих сейчас в ней грузин, то мы полностью запутываемся в этих разных правах и правдах. И даже самый демократически, миролюбиво и националистически настроенный человек оказывается в полной растерянности и, руководствуясь самыми благими намерениями, может поддерживать курс, ведущий к катастрофе.

Как выйти из этого положения и можно ли из него вообще выйти? Можно ли примирить эти разные «правды»? Я думаю, что примирить их нельзя, но можно установить определенную иерархию этих прав и наших принципов.

Отношения государств — «субъектов международного права», на наш взгляд, должны регулироваться прежде всего правовыми принципами, как и отношения индивидов должны прежде всего регулироваться правом. И основой основ, краеугольным камнем современных правовых отношений между государствами

является признание нерушимости границ, с 1945 г. ни разу не менявшихся в результате войн, насильственным путем. Это аналог права частной собственности. И как любой правовой принцип, как принцип права частной собственности, этот закон не только может, но, можно сказать, даже должен расходиться с требованиями морали и справедливости.

Несправедливо, когда один человек унаследовал от родителей миллионы, а другой — долги. И точно так же несправедливо, что Молдова — государство, а Гагаузия — нет, что русские Левобережья должны жить в Молдове, армяне-карабахцы — в Азербайджане, чеченцы — в России. Но как бы ни были несправедливы имущественные различия, бедняк не имеет права из соображений справедливости грабить богача. Ибо альтернатива праву — бесправие и хаос, а несправедливость и страдания, возникающие из бесправия и хаоса, во много раз больше несправедливости, зафиксированной законами и охраняемой ими. И точно так же, как бы ни было это несправедливо, но Карабах-часть Азербайджана и Чечня — часть России,*это правовой факт. Альтернатива признания этого факта — всеобщий кровавый хаос, война всех против всех в стране (теперь не стране, а «пространстве»), начиненной ядерным оружием. Это несправедливо, но зло, вытекающее из этой несправедливости, во много раз меньше, чем то зло, которое возникнет, если мы начнем здесь борьбу за справедливость, применяя военную силу. Если это — зло, то оно — наименьшее из зол.

Значит ли это, что мы должны смириться со всеми закрепляемыми этим правом несправедливостями, что осетины вечно должны оставаться разделёнными, а татары должны и впредь смотреть по телевидению и слушать по радио о спасшей Россию от варваров Куликовской битве? Нет.

Это значит только одно, что, если Россия присоединит Южную Осетию, даже руководствуясь самыми добрыми намерениями, она будет преступником (преступники иногда тоже руководствуются добрыми намерениями). Это значит, что вся наша деятельность, направленная на устранение этих несправедливостей, должна быть в рамках закона.

Прежде всего мы должны добиваться того, чтобы Россия показывала пример разрешения национальных конфликтов. Бедняк не имеет права грабить богача. Но богач морально обязан помогать бедным. По отношению к Чечне и Татарии мы — богачи. Никто не может заставить нас признать их суверенитет. Мы имеем полное право (в том числе и моральное) добиваться соблюдения Чечней и Татарией наших законов, в том числе и силой. Но мы можем и просто по-человечески отнестись к татарам и чеченцам, изменив наше законодательство, приблизив его к требованиям морали и человечности и дав им возможность законного и упорядоченного ухода от нас. Наше право — не делать этого, но сделать это — тоже в нашем праве, и, если мы это сделаем, это будет великим и благородным актом, который изменит весь климат в СНГ. Только сами показав такой пример, мы будем иметь моральное право оказывать давление (но не насилием и не угрозой насилия) в пользу русских меньшинств и народов вроде гагаузов, осетин или абхазов. Мы даже можем добиваться изменения границ в нашу пользу, но при абсолютном исключении насилия, апеллируя, например, в вопросе о Крыме к международному суду и способствуя этим развитию международного права. Мы можем, наконец, бороться за создание такого климата, таких условий в СНГ, когда границы не будут иметь такого уж большого значения. Мы можем многое и разное, но должны только четко понимать, где проходит грань между законом, которому мы обязаны подчиняться, нравится он нам или нет, и моралью, требующей от нас действий в рамках закона или направленных на законное же изменение законов.

Мы сейчас, компенсируя комплекс неполноценности, стали особенно часто говорить, что Россия — великая держава. Что это такое, не совсем ясно, но ясно, что Россия — страна сильная и в СНГ — сильнейшая. И с великой страны — большой спрос. Мы можем погрузить не только себя, но и полмира в кровавый хаос, и мы можем создать демократический порядок в СНГ и стать решающей силой в его создании во всем мире. Если демократические силы России остановят наше сползание к войнам и фашизму, если мы добьемся хотя бы десяти лет мирного демократического развития и немножечко успокоимся и придем в себя, самое страшное будет позади. Но для этого демократически настроенные люди России должны всеми силами бороться с попытками насильственного изменения границ, даже если они оправдываются самой высшей и самой очевидной справедливостью.